

ТРУДОВОЙ КАЗАК – СЛОВЕЧКО ДИКОО **(к 100-летию государственного террора** **против российского казачества).**

Минуло столетие, как на свет появился один из самых позорных для советской, именовавшей себя, народной, власти документ – печально-знаменитая Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. «О казачестве», подписанная Я. М. Свердловым и А. Д. Цурюпой. Однако и до сегодняшнего дня вокруг этого документа кипят страсти: кто был его истинным автором? Какую цель он преследовал? Правда ли, что Директива узаконила политику уничтожения казачества не только как специфического военно-служилого сословия, но и как этнокультурной группы населения многонациональной России?

В отечественной историографии сложился стереотип, что курс на ликвидацию казачества, известный как расказачивание, был сформирован в январе 1919 года, т.е. со времени рассылки директивы Оргбюро ЦК на места. Однако, это далеко не так. Нагнетание ненависти к казачеству, началось задолго до октябрьского переворота 1917 года, приведшего к власти партию большевиков.

Первой сознательной ложью стали заявления о том, что казаки в крови потопили выступления крестьян и рабочих в годы революции 1905–1907 годов. Действительно, казачьи полки и сотни власть привлекала к охране общественного порядка, посылая казачьи команды на усиление полиции.

И казаки полученный приказ выполнили. Иного и быть не могло – любой военный, отказавшийся исполнять приказ командира, с точки зрения Устава являлся преступником, и это правило действует поныне. Но были ли насилия, а тем более, потоки крови, которые пролили казаки? Однозначно, нет. Не было ни потоков, ни издевательств над мирным населением заводских поселков Урала. Все насилия над бастовавшими рабочими творила нанимавшаяся заводчиками стража из числа горцев Кавказа, которых население скопом именovala «ингушами» [11, с. 86]. Тем не менее, факты избиения и преследований «революционеров», в советское время сознательно были вменены в вину казакам. О том, как большевики настраивали своих сторонников против казаков, свидетельствует инструкция боевой организации при Московском комитете РСДРП(б) «Советы восставшим рабочим». В ней отмечалось: «...Казачья не жалейте. На них много народной крови, они всегда враги рабочих... как только они выйдут на улицу – конные или пешие, вооруженные или безоружные, смотрите на них как на злейших врагов и уничтожайте их без пощады» [3].

После падения царизма, большевики разработали и успешно применяли тактику разделения и противопоставления друг другу различных социальных групп населения России. Первоначально они объявили «злейшими врагами народа» помещиков и капиталистов, призвав к борьбе с ними рабочих, крестьян и казаков. По мере упрочения своего положения, большевики меняли облик своих врагов. Вскоре «своими» они стали именовать не всех, а только неких «трудовых казаков». А когда власть была упрочнена, то свою ненависть «народная» власть обрушила на всех оставшихся представителей войскового сословия. И эта линия последовательно проводилась в отношении всех 12 существовавших до революции казачьих войск России. Казачество необходимо была расколоть, разложить, затем уничтожить, ибо революционеры длительное время насаждали образ казака-насильника, врага крестьян и рабочих, верного пса царизма и реакции.

Не только основная масса оренбургских казаков, но его руководство войска восприняли известие об отречении Николая II, без особого сожаления. Наказный атаман генерал-лейтенант М. С. Тюлин, получив из штаба Казанского военного округа телеграмму, без раздумий признал Временное правительство. 8 марта 1917 года он по телеграфу направил обращение к казакам. Генерал предписал атаманам военных отделов: «...прочтите это воззвание на станичных и поселковых сборах, чтобы каждый казак отнесся к этому великому событию как любящий сын своей Родины» [13, л. 15]. Не смотря на такую позицию и телеграммы с поддержкой новой власти, из столицы поступило указание отстранить всю прежнюю администрацию. Уже 2 апреля местные газеты сообщили: «...отстраненные от должностей по распоряжению Временного правительства губернатор Тюлин и вице-губернатор Пушкин уже выехали из Оренбурга» [10].

Вслед было сменено и среднее звено управление. В сжатые сроки были организованы и проведены выборы депутатов 1-го Войскового круга. Круг в первые в истории избрал Войскового атамана и Управу, принял проект «Положения о самоуправлении Оренбургского казачьего войска» [8, с. 208]. Признали новую власть и все находившиеся за пределами войсковой территории части. Характерна в этом отношении телеграмма командира 2-й Оренбургской казачьей батареи, полученная в Оренбурге в начале апреля 1917 года. В ней говорилось о поддержке Временного правительства и содержалось обязательство «...защищать власть от покушений с какой бы то ни было стороны и дисциплину... при беззаветном подчинении начальникам и полное соблюдение гражданских прав каждого» [13, л. 25].

С лета 1917 года оренбургские казаки медленно, но все же стали втягиваться в политическую жизнь края. И в это же время большевики стали настойчиво продвигать понятие «трудовой казак». Однако,

разделение казачества на «офицерско-кулацкие верхи» и «трудовое» казачество вызвало отторжение и в станицах третьего по численности из казачьих войск – Оренбургского.

Как известно, войсковой атаман полковник А. И. Дутов отказался признать переход власти в руки советов и попытался восстановить прежний порядок в губернии. За это он был объявлен «мятежником», хотя никогда присяги советской власти и не приносил, а наоборот, выступил в защиту легитимного Временного правительства. Центр направил на Южный Урал специальный отряд, получивший наименование «Северный летучий». Сюда же стянулись красногвардейские дружины из рабочих поселков Урала, прибыл и сводный отряд из Самары, позднее получивший название «Блюхеровского». Красногвардейцам в сжатые сроки удалось ликвидировать «челябинскую пробку», занять Троицк, Оренбург и Верхнеуральск.

Уже в этот период новая власть под видом борьбы с «дутовщиной» развернула самый настоящий геноцид в отношении местного казачества. Блюхеровский отряд, продвигавшийся из Челябинска в Троицк, занимая казачьи поселки, жестоко подавлял любые попытки сопротивления, брал заложников, расстреливал «контрреволюционеров». Отлично вооруженным красногвардейцам противостояли разрозненные и малочисленные дружины самообороны, слабо вооруженные и не имевшие единого плана действий. Шансов на успех у них попросту не было. В декабре 1917 года впервые ими же была начата практика взимания с российского населения контрибуций, словно речь шла не о согражданах, а каких-нибудь немцах или австрийцах.

В январе 1918 года красногвардейские отряды заняли Оренбург, и новая власть установилась по всей губернии. Практически сразу же в городе начались аресты офицеров, расстрелы и притеснения состоятельных жителей и казаков. 12–25 марта 1918 года состоялся первый губернский съезд советов. На нем лидер большевиков С. М. Цвиллинг занял крайне жесткую позицию в отношении казаков. В ответ на требование ряда делегатов признать совет казачьих депутатов 1-го округа, заявил: «300 лет казацкая нагайка гуляла по русской земле и забивала все живое... мы забыли все ваши избиения в Москве, Томске, Киеве...мы простили все это вам... а вы хотите сидеть между двумя стульями. Вы поняли, что вам не по пути с Дутовым, но вы не хотите идти вместе с трудовым крестьянством. Нам нужно окончательно договориться, или вы идете с нами, или берете винтовки и сражаетесь» [6]. (После приведенных слов в стенограмме отмечено: речь т. Цвиллинга встречена громом аплодисментов). Не видя другого выхода, казаки стали братья за оружие.

Ситуацию обострило появление многочисленных реквизиционных и продовольственных отрядов, у казаков стал насильно изыматься скот, пшеница, на население налагались денежные контрибуции.

В ответ на очаговое сопротивление, оренбургские власти посылали в станицы карательные отряды. С одним из таких отрядов под станицей Изобильной погиб председатель губисполкома С.М. Цвилинг. В качестве ответной меры был сожжен ряд поселков, в том числе и не успевшие эвакуироваться жители [7, с. 359–367].

Антиказачья кампания приняла такие масштабы, что не выдержали даже союзники большевиков – социал-демократы меньшевистского толка. Их позиция четко была выражена в статье «Казачество и рабочих класс». В ней отмечалось: «Мы, меньшевики, всегда протестовали и будем протестовать против огульного зачисления казачества в лагерь контрреволюции. Оно не более контрреволюционно, чем всякое крестьянство, то самое трудовое крестьянство, на которое рассчитывали опереться сами большевики» [12].

Но большевики проигнорировали мнение Оренбургской организации РСДРП(м) и продолжили свой курс на разложение оренбургского казачества. Казакам окончательно было отказано и в праве создания своих советов казачьих депутатов. Один из руководителей местной организации большевиков М. Бурзянцев, писал: «Мещанская масса недоуменно, с искренностью надежды вопрошает: почему вы большевики, против самоопределения казаков? Почему не хотите отдать власть в Оренбурге казакам, когда Оренбург казачий город и находится почти в середине казачьей территории? Мещанская масса, политически безграмотная и тупая как младенцы, оказывается неспособной отбросить от себя плевелы буржуазного мышления... Она не понимает того, что самоопределение казаков... т.е. допуск казаков к власти вообще – приведет фактически к восстановлению... всех атрибутов, всех примет буржуазного строя: экспроприации бедноты, издевательства над личностью бедняка-раба, военщины и пр. Она не понимает, что такое самоуправление снова поставит трудовое казачество в полную зависимость во всех отношениях от его командного состава – казачьей буржуазии и казачьих военных кругов. Она не понимает, что предлагаемое «самоуправление» есть по-существу, самоопределение буржуазных командных верхов казачества» [5].

В ответ появилась статья, выражавшее к этому курсу отношение основной массы казачества. «Кто-то пустил дикое словечко «трудовое казачество и оно пошло гулять по свету. Да разве у нас есть какое то «нетрудовое казачество»? Такого нет и не может быть. У нас есть только казаки рядовые и казаки-офицеры и чиновники. Первые занимают дома, а вторые состоят вечно на военной службе и учат первых когда они в полках, сотнях и батареях военному делу... живущий в станице офицер снимает мундир и облекшись в простой костюм, принимается за то же земледелие и скотоводство, являясь проводником культурных приемов этого занятия» [9]. Доводы противоположной стороны восприняты не были.

Однако, верное политике лавирования и обмана, центральная власть 1 июня 1918 года приняла Декрет «Об организации управления казачьими областями», который предусматривал право «трудового казачества совместно и на равных правах с проживавшим на казачьих землях трудовым крестьянством и рабочими» на организацию советской власти. Декрет декларативно признавал возможность появления «войсковых, окружных, станичных или поселковых советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов» [2]. Но он запоздал и никакого влияния на положение дел в Оренбуржье, не оказал и не мог оказать.

Реальное отношение к казачеству в том период ярко выразил видный деятель советской власти И. И. Рейнгольд. (Исаак Исаевич Рейнгольд в годы гражданской войны занимал посты члена исполкома Западной области, председателя исполкома Витебского совета рабочих и солдатских депутатов, один из инициаторов образования Белорусско-Еврейской республики, в 1930-е годы был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной антисоветской организации и приговоренный Военной коллегии Верховного суда СССР к ВМН, посмертно реабилитирован). В письме к председателю СНК В. И. Ленину он отмечал: «Казаков, по крайней мере, огромную часть их, надо рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и заигрывание с казачеством: ни на минуту нельзя забывать, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица – вооруженный лагерь, каждый хутор крепость». Его позицию разделял и И. И. Вацетис, утверждавший, что казачество как военная сила, ничего из себя не представляло. «Особо рельефно бросается в глаза дикий вид казака, его отсталость от приличной внешности культурного человека западной полосы. При исследовании психологической стороны этой массы приходится заметить свойства между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира» [4]. О себе Вацетис видимо был слишком высокого мнения, хотя один из его сослуживцев так описал его облик: «...он одет по-граждански, толстый, жирный. По акценту скорее напоминает чухну». (Иоаким Иоакимович Вацетис, из семьи латышских крестьян-бедняков, окончил Виленское юнкерское училище и академию Генерального штаба. Последний чин и должность в царской армии – полковник, командир 5-го Земгальского пехотного полка. В Красной армии командовал Восточным фронтом, затем стал Главнокомандующим Вооруженными силами РСФСР. В 1921 году «коммунист» Вацетис оправил свою семью в буржуазную Латвию. Был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, 27 июля 1938 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян).

При этом современные защитники Троцкого и К., упрекают историков за «передергивания», мол, Лев Давидович и его сподвижники имели в виду реакционное казачество, а не пресловутое «трудовое». Возможно. Но только кто дал всяким там свердловым, цурюпам, вацетисам и троцким право расстреливать какую-то иную часть казачества? К слову, если такое требование употребить применительно к какой-нибудь части еврейского народа, то сразу поднимется вой – антисемитизм! А «реакционных казаков» их, что ж, можно и к стенке. Подумаешь, какая-то зоологическая масса.

Резко негативную позицию в вопросе о праве казачества на создание своих органов самоуправления занимал и один из руководителей Уральского облревкома П. Г. Петровский. Он искренне был убежден, что казакам (особенно уральским – яицким), нельзя предоставлять какие-либо политические права. Их следовало просто уничтожать физически [1, л. 11]. К слову сказать, и он в годы сталинских репрессий стал жертвой беззакония, которое он так продвигал в отношении казачества.

В начале июня 1918 года, воспользовавшись выступлением Чехословацкого корпуса, противники большевиков свергли советскую власть, свою роль в этом сыграли и доведенные до отчаяния казаки. В станицах стали формироваться добровольческие отряды. Осенью всеобщую мобилизацию объявил войсковой атаман, и основная масса оренбургских казаков оказалась вовлеченной в братоубийственную гражданскую войну. В годы вооруженного противостояния чаша весов неоднократно колебалась в пользу то одной, то другой противоборствующей стороны, Хрупкие коалиции, заключавшиеся порой с самыми невероятными союзниками, носили временный характер, в действительности никто не собирался в серьез и надолго соблюдать призрачные договоренности. Большевики стремились к достижению своих целей любой ценой. А казачество сохраняло относительную целостность, верность традициям, убеждениям и ценностям, которые всегда отличали казаков и в боях, и в мирном труде. Именно эта внутренняя целостность, нередко облекавшаяся в форму призыва к созданию своей, пусть и химерной, обособленности (к примеру, Юго-восточного Союза казачьих войск или Донской казачьей республики), особо пугала большевиков. В январе 1919 года была принята Директива Оргбюро «О казачестве» и курс на ликвидацию самобытного сословия был возведен в ранг государственной политики.

На Урале он не получил таких масштабов, какие были на Дону и Кубани по той причине, что вся территория войска, за исключением Оренбурга, была занята войсками адмирала Колчака. В осажденном же Оренбурге ее реализация грозила падением советской власти и без того державшейся буквально «на волоске». В 1936 году на одной из встреч уральского землячества в Москве, возглавлявший

в дни обороны города обязанности председателя губисполкома А. А. Коростелев, отмечал: «Насчет беспощадного уничтожения, я не знаю от кого, но мы однажды получили такую директиву от центра. Я должен заявить, что мы эту директиву не выполнили и, я скажу, хорошо сделали, что не выполнили». Ему вторил бывший чрезвычайный комиссар по ликвидации дутовщины П. А. Кобозев: «Вопрос поставил Сольц от имени председателя РВС Троцкого, заявивший – «Раз вы опасаетесь казачьих нападений, то РВС предлагает вам выселить всех казаков из Оренбургского укрепрайона». Да, идеал Троцкого – затопить все в крови» [14].

Тем не менее, вернувшись на Южный Урал летом 1919 года, работники местных органов советской власти продолжили антиказачий курс в духе требований Директивы и, тем самым, в очередной раз спровоцировали оренбургское казачество на вооруженное сопротивление. На этот раз казаков поддержало не только крестьянство, но и значительная часть рабочих, доведенных экспериментами большевиков буквально до отчаяния. Повстанческое движение охватило и соседние территории. Против пролетарской власти мятеж подняли и отдельные части Красной армии, к примеру, как 2-я Туркестанская дивизия чапаевца А. В. Сапожкова. Это сопротивление удалось ликвидировать только после отмены продразверстки и определения более взвешенной политики в отношении сельского населения.

Поставленная большевиками задача была выполнена. Последний удар по остаткам казачьего менталитета нанесли политические репрессии 30-х годов XX столетия. Фигурантами уголовных дел стали не только бывшие противники – офицеры и казаки белой «дутовской» армии, но и те, кто на своих штыках нес советскую власть, включая В. К. Блюхера, красных командиров братьев Кашириных, А. А. Коростелева и многих других участников партийного и советского строительства в Оренбуржье. Постоянно страх испытывали и те, кому посчастливилось избежать репрессий. Но и для потомков казаков до начала 1990-х годов было небезопасным отождествление себя с ликвидированным войсковым сословием.

Литература

1. Государственный архив Уральской области (ныне Западно-Казхстанской области Республики Казахстан). Ф. 7. Оп. 3. Д. 5.
2. Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918. М.: Политиздат, 1959. 698 с.
3. Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1905. 11 декабря.
4. Известия народного комиссариата по военным делам. 1919. Февраль.

5. Известия Оренбургского губернского комитета Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. 1918. 9 июня.
6. Казачья правда. 1918. 6 (18) марта.
7. Кобзов В. С., Шведов И. В. Урал в период потрясений 1917–1921 годов. Челябинск, 2017. 444 с.
8. Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. М., 2004. 364 с.
9. Оренбургский казачий вестник. 1918. 16 июля.
10. Оренбургский церковно-церковный вестник. 1917. 2 апреля.
11. Попов Н.Н. Казачьи формирования на Урале в 1905–1907 гг. // Казачество на государственной службе: материалы к научной конференции. Екатеринбург, 1993. С. 84–87.
12. Рабочее утро. 1918. 11 июля.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 19.
14. РГВА Ф. 1346. Оп. 1. Д. 767. Л. 126–127.

Колупаев Д. В.

ЮГО – ВОСТОЧНЫЙ СОЮЗ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК И ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1917 ГОДУ. ОПЫТ КАЗАЧЬЕГО ФЕДЕРАЛИЗМА.

Изменение в геополитическом и внутреннем положении Российского государства в результате социально – политических событий 1917 года не могло не сказаться на политическом положении Российского казачества. Рухнул главный стержень казачьего социального менталитета – служение российскому престолу. В сложившихся непростых политических условиях революционного распада России казачество стало искать свои пути по сохранению элементарного социального порядка на своих землях и сопредельных им территориях. В частности, для этих целей казачьи политические круги на юге России выступили с идеей регионального политического объединения – Юго – Восточный Союз.

Здесь следует отметить, что именно в рядах политической элиты Кубанского казачества, а также среди руководства Терского казачества, возникла идея о создании какой-либо формы политического регионального объединения казачьих войск, с привлечением горских народов Северного Кавказа. Такое объединение получило название Юго – Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и народов вольных степей. Данная организация была создана во Владикавказе 2 ноября 1917 года и включала в себя Донское